

В. С. Томеллери

К ИЗУЧЕНИЮ СЛАВЯНСКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

0. Вводные замечания

«Переводная литература в древней Руси имела гораздо большее значение, чем оригинальная. Она была несравненно богаче, чем оригинальная» [Соболевский 1903: v]. Этими словами начинаются библиографические материалы А. И. Соболевского, посвященные переводной литературе Московской Руси XIV–XVII веков. Как известно, славянская, особенно церковнославянская, средневековая письменность выделяется тем, что подавляющее большинство памятников является переводами с греческого или, в гораздо меньшей степени, с латинского языка. Этим обстоятельством определяется, в частности, филологическо-лингвистический подход к изучаемому тексту, который нередко сводится к установлению прямого источника переводного сочинения:

«Исследователи средневековой славянской письменности обычно уделяют особое внимание точному установлению источника перевода и тому, когда этот источник стал известным и доступным. Изучение содержания переводного текста и его языковых особенностей зачастую становится возможным лишь при обращении к его источнику. Это объясняется тем, что сам перевод, несмотря на его превосходные качества – или, наоборот, вопреки им, так как понятие ‘качества перевода’ в данном контексте имеет иное значение, – по причинам исторического и культурного характера довольно часто оказывается неудобопонятным современному читателю» [Подтергера, Томеллери 2009: 45].

Настоящее исследование затрагивает вопрос о первостепенной важности филологического анализа подлинника для оценки славянского перевода.

1. Проблемы при переводе

1.1. Начнем с довольно известного примера из старославянской традиции. Как в переводе Псалтири, приписанном Солунским братьям Константину Философу и Мефодию, так и в других ветхозаветных книгах, обращает на себя внимание передача греческого слова ἄρμα “колесница” через славянский термин *оружие* [Jagić 1913: 429, 454]:

Языковое смешение (Псалом 19, 8)

Синайская Сі въ орѣжыхъ и сі на конѣхъ [ПС 1922: 23].
псалтырь:

текст οὗτοι ἐν ἄρμασιν καὶ οὗτοι ἐν ἵπποις

Септуагинты: гр. ἄρμα ≠ *оружие* = лат. *arma*

Несмотря на лексическое совпадение слов *оружие* и *arma*, в этой переводческой ошибке нельзя увидеть следов непосредственного латинского влияния на старославянский перевод; причина заключается, скорее всего, в том, что греческое слово ἄρμα уже приобрело значение латинского омонима *arma* ‘оружие’, так как военная терминология была тесно связана с латынью. Следовательно, речь идет просто об особом характере греческого языка византийской эпохи, по политическо-историческим причинам подвергавшегося в военной и административной сферах сильному влиянию латыни. По сути дела, о латинском влиянии на славянскую традицию в данном случае не может быть и речи:

«Это соответствие шло не непосредственно из лат. *arma*, а через посредство греческого языка, где в военных сочинениях греческое слово наряду с исконным греческим значением ‘колесница’ имело и латинскую семантику ‘оружие’» [Алексеев 1999: 89].

Данное место было потом исправлено, например, в Болонской псалтири и в т. наз. Киприановской редакции (НП: 283); сегодня в синодальном тексте Псалтири читается, согласно греч. оригиналу, *сі на колесніцахъ* [Гильтебрандт 1898/1993: 179].

1.3. Омонимия форм могла возникать также на фонетическом уровне; любопытное смешение такого рода, определявшее неправильные лексические соответствия между оригиналом и переводом, засвидетельствовано в некоторых новгородских переводах с латыни, осуществленных в конце XV – первой половине XVI века. В еще не опубликованной толковой Псалтири Брунона, которую Дм. Герасимов довел до конца 15-го октября 1535-го года, имеется следующее толкование к третьему стиху 8-го псалма (славянский текст приводится по рукописи РНБ Собрание Соловецкого монастыря Ф. 717 нр. 1148/1039, далее Сол):

Да боудеть разѹмъ | не токмо ѿ съврꙋшенѣи и оꙋчѣненѣи | еси
хвалѣмъ. но и ѿ неразѹмныи, | и оꙋсты младенчѣими чюдѣнъ
про||повѣдаѣшиса (л. 42)

Ut sit sensus, non solum a perfectis et doctis es laudabilis,
sed etiam ab *incipientium* et ore parvulorum mirabilis
praedicaris 8, 3.

Выделенная курсивом латинская причастная форма *incipientium*, обозначающая *начинающих*, т. е. тех, кто еще не достиг зрелого возраста и соответствующего уровня знания, передается совсем не подходящим прилагательным неразѹмныи. Только исходя из новгородского произношения латыни можно объяснить такой перевод: буква латинского алфавита *s* в положении перед передними гласными звучала в устах новгородских книжников как альвеолярный фрикатив [s]; таким образом, в “живом” произношении латинская форма *incipientium* никак не отличалась от *insipientium* (отрицательный элемент *in* ‘не’ + *sapiens* ‘мудрый’). На это явление указывал уже Соболевский [1903: 122, 150, 225 и 230], приведенный им материал постепенно дополнялся [Tomelleri 2005]. Следует при этом отметить, что такая же ошибка обнаруживается в так называемой Геннадиевской Библии, т. е. первого свода всех библейских книг в одном кодексе. В описании самого древнего списка (1499 года) содержится следующее место из предисловия к Книге Притч:

прѣтѣи, вѣ неже дѣѣтса ѡ исправленіи и нахъзаніи безѣмны сдѣжити
бѣѣ. и ѡ исправленіи обычаѣвъ, и ѡ възвѣраженіи силъ –

proverbia, in quo agitur de instructione et disciplina insipientium
(долж. быть *incipientium*) *servire Deo, de correctione morum et*
informatione virtutum

[Горский и Невоструев 1855: 9].

В цитированном латинском тексте засвидетельствовано чтение *insipientium*, которому А. В. Горский и К. И. Невоструев предпочитают форму *incipientium*. Не исключена возможность появления этого неверного чтения в печатном экземпляре латинской Библии, использованном переводчиками геннадиевского кружка; славянская передача, однако, легко объясняется устной речевой реализацией ([с] вместо [ц]).

1.4. Общеизвестен факт, что привлечение подлинника при исследовании славянского перевода часто позволяет избежать кажущихся верными чтений. Показательным и доказательным примером служит место, взятое из древнерусского перевода *Троянской истории* Гвидо де Колумнис, в котором описывается поведение Медеи:

Медея же, повеление отцево слышав, аще бѣ и дѣвица зѣло красна, понудися, якоже намъ есть обычай, красоту прилагая красотѣ украшением, сиречь уряжением (ПЛДР 1984: 242).

Творогов переводит, соответственно, так:

«Медея же, услышав повеление отца, хотя и была девушкой очень красивой, постаралась, как это у нас в обычае, красоту приложить к красоте украшением, то есть принарядиться» (ПЛДР 1984: 243).

Однако взгляд на латинский текст заставляет исправить предложение якоже намъ есть обычай на яко женамъ есть обычай:

Medea autem, audito patris precepto, quamquam esset virgo
nimum speciosa, conata est, ut mulierum est mos, speciem addere

speciei per speciosa uidelicet ornamenta [Griffin 1936: 17].

Без просмотра славянского списка, лежащего в основе издания, нельзя окончательно отказываться от чтения якоже намъ; даже в таком случае, однако, следовало бы отнести путаницу к категории механического искажения первоначального текста со стороны переписчика основного списка.

2. Проблемы при интерпретации

Поиск прямого источника, по сути дела, затруднителен, он таит в себе определенные недостатки: «Подобного рода источниковедческо-текстологические работы, как и сам подход *ad fontem*, вне всяких сомнений, очень важны и даже необходимы для реконструкции истории возникновения текста и правильной интерпретации использованной в нем лексики. Но всегда ли они отражают, так сказать, действительный ход событий – распространение и восприятие текста? Какие – не всегда видимые – преграды возникают на пути ученых и заставляют их искать обходных путей?» [Подтергер, Томеллеры 2009: 45].

С другой стороны, нельзя упускать из виду переводной характер изучаемого сочинения. Для демонстрации наглядности сформулированного выше положения перейдем теперь к некоторым интерпретациям современных исследователей, не выдерживающих, несмотря на их остроумный, разносторонний и обобщающий характер, источниковедческой критики.

2.1. Опираясь на одно место из выше упомянутой толковой Псалтири Брунона, М. И. Рижский делает преждевременный и никак не обоснованный вывод о том, что «Герасимов, по-видимому, неплохо знал греческий язык (впоследствии его назначили переводчиком при знаменитом Максиме Греке)¹ и хорошо – латинский, а из новых – итальянский и немецкий. Возможно,

¹ Как известно, Максим Грек, еще не зная церковнославянского языка, переводил с греческого на латынь, а Дм. Герасимов и Власий диктовали писцам славянский перевод. Следовательно, помощники Максима Грека не нуждались в знании греческого языка или, по крайней мере, от их сотрудничества с афонским монахом не вытекает такое знание [Ковтун 1975: 8, прим. 2].

ему был знаком и древнееврейский. Во всяком случае, Герасимов имел вполне представление о том, каким путем должно идти при переводе Библии. В одном из его более поздних переводов имеется следующее замечание:

“Веждь же, еже идеже в книгах Ветхого Завета ложь открывается, теци подобает к книгам Еврейским древним, зане Ветхий Завет первее в языке Еврейском написан есть. Аще убо в книгах Нового Завета теци подобает к книгам греческим”» [Рижский 1978: 56; см. и Филарет 1884: 123].

На самом же деле, эти слова читаются в одном маленьком латинском тексте, *Translatores et interpretes Bibliae*, традированном вместе с толковой Псалтирью [Ковтун 1975: 42], но переведенном, предположительно, в 90-е годы XV века, во время работы над составлением выше упомянутой Геннадиевской Библии [Tomelleri 2009: 104]:

Nota quod, ubicumque in libris veteris testamenti mendositas reperitur, currendum est ad volumina Hebraeorum, quia vetus testamentum primo in lingua hebraea scriptum est. Si vero in libris novi testamenti, recurrendum est ad volumina Graecorum.

Приписывать переводчику то, что излагается автором переводимого сочинения, можно только с большой осторожностью.

2.2. В некоторых случаях недоучет возможностей, открываемых подлинником, приводит к довольно смелым и, возможно, далеким от авторского замысла интерпретациям. Л. С. Ковтун подвергает подробному анализу фрагмент предисловия к толковой Псалтири Брунона, в котором речь идет о необходимости не вносить никаких изменений в текст Псалтири:

Є* сѣа псалтырь, рѣ" различїа точекъ. ѿ рѣ|нїи єдинѣ. да не воудет къ
ѡбразѹ нїны ѿспрѣ|влѣма. нї нїны к тоа ѡбразѹ ѿспрѣвлати (Сол, л. 5).

Ковтун толкует мнимую осторожность Дм. Герасимова исходя из трагической судьбы Максима Грека, неоднократно подвергавшегося со стороны представителей церковной иерархии обви-

нениям в ложном толковании и даже в порче текста Священного Писания: «Хотел ли Герасимов помещением этой статьи уберечь свой перевод Псалтыри Брунона от критики и поправок или это была своеобразная реакция на суды над Максимом Греком, наличие ее перед толкованием псалмов показывает борьбу мнений вокруг вопроса об исправлении церковных книг» [Ковтун 1975: 63].

Такую интерпретацию невозможно доказать, но трудно ее опровергнуть. Во всяком случае, приведенный ей фрагмент принадлежит не известному нам издателю конца XVI столетия, снабдившему свое печатное издание толковой Псалтыри первой половины XI века обширным предисловием², в котором он просил не подвергать текст никаким формальным изменениям. Начало латинского подлинника звучит так:

Quod istud psalterium propter diversitatem punctorum et dictionum solam non sit ad formam aliorum emendandum nec aliorum ad illud.

2.3. В другом месте книги исследовательница отмечает переводную природу этого текста, уступая соблазну подчеркнуть разницу между Дм. Герасимовым и Максимом Греком: «Автор призывает отличать существенное от маловажного: дело не в точках, не в изменении отдельных слов, а в самом божественном смысле этой книги. Позиция иная в сравнении с Максимом Греком, который добивался точнейшего соответствия слов и форм и резко осуждал ошибки переводов» [Ковтун 1975: 43, прим. 140].

Освоил ли переводчик мнение издателя толковой Псалтыри, приспособивая его к современной ему полемике, остается на уровне недоказанной и, возможно, недоказуемой гипотезы.

2.4. Еще дальше пошел В. В. Колесов, предложивший трудно

² Лат. предисловие к толковой Псалтыри Брунона, т. наз. Praefatio Reyseriana, было частично переведено на славянский (принцип выбора никем пока не обсуждался, возможно, Дм. Герасимов решил перевести только те части, которые относились прямо к тексту Брунона, опуская общую трактовку проблем библейского перевода).

приемлемую интерпретацию фрагмента текста, оторванного от своего контекста и приписанного инакомыслящим группам. Говоря о судьбе еретических сочинений после физической расправы 1503 г., он подчеркивает скудость и отрывочность «сведений, часто искаженных переписчиками и компиляторами, которые нарочито замазывали основные положения этих трудов в терминологической части и в классификации фактов. Многие отрывки без указания авторов или переводчиков попали в сборники и сохранились до нас в единичных экземплярах» [Колесов 1991: 216]. Следует скачок к перечислению «органов речи с характерным для бытового контекста ироническим указанием на то, что перед речью необходимо прополоскать рот водой:

“сирѣчь девять угодей ко глаголанію – еже двѣ губы, чѣтыре губы³ начальныя, последняя чѣсть языка, горло дыхальное, гортани тѣщина (т. е. сужение)⁴ и кыя⁵ девять угодей глаголются мѹзы; омойся еже есть вода, зане без волготы (влажности) от онехъ не можетъ родитися гласъ”» [Колесов 1991: 216–217]⁶.

Этот отрывок представляет собой частично испорченный вариант глоссы к латинскому существительному *musa*, которое в традиции (русского) Доната служило образцом женского склонения [Tomelleri 2002: 236–239]; в русском Донате, после перечисления всех форм единственного и множественного чисел, обсуждается полисемический характер этого слова. Глоссе предшествует указание на то, что текст не восходит к традиции латинского Доната: сѣ написано ѿ иного писанїа. а в донатѣсѣ то не стоитъ⁷. Со-

³ Первоначальное чтение: зубы.

⁴ Первоначальное чтение: тѣщина плечѹх.

⁵ Первоначальное чтение: сия.

⁶ *Миротворный круг* 1540 г., по списку СПб. Российская Национальная Библиотека, собр. ОЛДП ф. 184, л. 47об (о составе сборника см. Ковтун 1975: 14–16).

⁷ В *Миротворном круге* отрывок вводится следующими словами: сѣ написанїе ѿ иного писанїа. а в донатѣсѣ того нѣ (Ковтун 1975: 16, прим. 33, Колесов 1991: 217, прим. 18). В этимологическом сочинении Угуччоне из Пизы (1130–1210), под названием *Derivationes*, обнаруживается близкий к славянскому переводу текст

гласно тексту, девяти *музам*, обозначающим девять богинь, покровительниц поэзии, искусства и наук, соответствуют девять органов речи [Петрова 2011: 336–337]:

«[...] id est novem instrumenta loquendi, scilicet duo labia, quattuor dentes principales, plectrum linguae, arteria gutturis, concavitas pulmonis; et haec novem instrumenta dicuntur musae a moys, quod est aqua, quia sine humectatione istorum non potest nasci vox» [Tomelleri 2002: 237–238].

Слово *musa* связывается сначала с музыкой и с водой, затем, через последнюю, устанавливается этимологическое соотношение с именем Моисея, т. е. извлеченного или спасенного из воды: “musica dicitur a moys quod est aqua” [Sverdlov 1967, Tomelleri 1996]. Нельзя при этом пренебрегать тем обстоятельством, что первоначально русский Донат являлся интерлинеарным текстом, содержащим латинский параллельный текст, переданный кириллическими буквами; таким образом, каждый элемент славянского перевода прямо и однозначно относился к ниже стоящей форме главного латинского подлинника; устранение латинской части сочинения имело серьезные последствия текстологического порядка и не только. Допустимо, что переписчик заменил непонятное ему предложное сочетание *ſ̃ мой*, заменив его на близкую по звучанию *омой* (lectio facilior). Возможно и другое объяснение: писец протографа *Миротворного круга*, имея перед глазами межстрочный экземпляр текста, просто перепутал строки, переписав *а мой* вместо *ſ̃ мой*; затем другой писец расценил форму *а мой* как опisku, сознательно исправив ее на более привычную форму повелительногоклонения от глагола *омыгтися*.

3. Выводы

Таким образом, на основе подобранных примеров напрашивается принципиальный вопрос, есть ли основания считать, что мнение такого-то ученого или переписчика ошибочно. На такой

вопрос, естественно, нельзя ответить однозначно. С одной стороны, каждый читатель является толкователем текста, вносящим в его интерпретацию свои культурные соображения и накопленный опыт; тексты, с другой стороны, развиваются, подстраиваются, изменяются, обновляются или просто искажаются. Восстановить их первоначальный вид – это важная археологическая задача, но не единственный путь к их изучению и толкованию; благодаря подходу *ad fontem* создается только твердая и надежная почва для прослеживания истории их возникновения, бытования и восприятия.

Подводя итоги этих размышлений, можно сказать, что исследователь сталкивается с целым рядом трудностей:

3.1. Точное определение подлинника представляет собой очень сложную задачу. Существующие критические издания греческих или латинских сочинений ставят перед собой цель воспроизвести текст как возможно ближе к авторской воле; последний, как правило, обычно не совпадает с экземпляром, который славянский книжник имел в своем распоряжении при работе над переводом [Огрен 1991]. Критически восстановленный авторский текст поэтому не может служить точкой отсчета при анализе славянского перевода.

3.2. Необходимо всестороннее изучение распространения и восприятия переводного сочинения в определенном культурном пространстве и в определенной исторической обстановке. То, что мы сегодня оцениваем и считаем образцовым или читабельным, не обязательно удовлетворяло вкус наших предшественников, и наоборот. Следовательно, цель идентификаций прямого источника должна уравниваться пристальным вниманием к способу бытования не только переводимого, но и переводного текста.

3.3. История текста включает вместе с бытованием также его восприятие. В этой перспективе все мнения и интерпретации как книжников, так и ученых достойны особого внимания, даже когда они противоречат первоначальному значению и назначению оригинала. Сопоставление оригинала и перевода, как выше уже говорилось, представляет собой первую степень приближения к ин-

терпретации и пониманию последнего; без тщательного изучения первоначального источника научное намерение понять культуру и язык наших предшественников остается неосуществимой мечтой.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Гильтебрандт, П. А.* Справочный и объяснительный словарь к псалтири. СПб., 1898.
- Горский, А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел первый: Священное писание. М., 1855.
- Ковтун, Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI–начала XVII в. Л., 1975.
- Колесов В. В.* Развитие лингвистических идей у восточных Славян эпохи средневековья // История лингвистических учений. Позднее средневековье. СПб., 1991. С. 208–254.
- НП** – Норовская псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV века. В двух частях. Ч. 2. София, 1989.
- Огрен, И.* К проблеме использования печатных изданий греческих текстов при исследовании древних славянских переводов. На примере славянского перевода Паренесиса Ефрема Сирина. Uppsala, 1991.
- Петрова, М. С.* Восприятие латинского грамматического знания русской ученостью в веке на примере Дмитрия Герасимова и других...// Диалог со временем. 2011. 34. С. 311–364.
- ПЛДР** – Памятники литературы Древней Руси (Конец XV – первая половина XVI века). М., 1984.
- Подтергера, И. А., Томеллеры, В. С.* СATHOLICUS: СЪБОРНЫЙ – КАТОЛИЧЕСКИЙ – ПРАВОСЛАВНЫЙ (к истории термина). Часть I. // Русский язык в научном освещении. 2009. 1 (17). С. 44–108.
- Рижский М. И. История переводов библии в России. Новосибирск, 1978.
- Северьянов, С.* Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. Петроград, 1922.
- Соболевский, А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903.
- Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. Издание третье, с поправками и дополнениями. СПб, 1884.
- Britt, M.* A dictionary of the Psalter (containing the vocabulary of the psalms,

- hymns, canticles, and miscellaneous prayers of the breviary psalter). New York et alibi, 1928.
- Griffin, N. E.* Guido de Columnis. Historia destructionis Troiae. Cambridge, 1936.
- Jagić, V.* Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.
- Kolesov, V. V.* Traces of the medieval Russian language question in the Russian Azbukovniki // Aspects of the «Slavic language question, edited by R. Picchio & H. Goldblatt. New Haven, 1984. P. 87–123.
- Reeves, J.* A collation of the Hebrew and Greek texts of the Psalms (in order to account for the variances between them, and thereby establish the authenticity of the one, and the fidelity of the other. London, 1800.
- Sverdlov, N.* Musica dicitur a moys, quod est aqua // Journal of the American musicological society. 1967. Vol. 20, 1. P. 3–9.
- Tomelleri, V. S.* Le Glosse del Donatus. Ricerche Slavistiche. 1994. Vol. 41. P. 121–161.
- Tomelleri, V. S.* Der russische Donat. Vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik, herausgegeben von V. S. Tomelleri. Köln–Weimar–Wien, 2002.
- Tomelleri, V. S.* Zur kyrillischen Wiedergabe des Lateinischen im Kreis um den Novgoroder Bischof Gennadij. Die Welt der Slaven. 2005. Vol. 50. P. 23–32.
- Tomelleri, V. S.* Translatores Bibliae und Modi Interpretandi. Zur Wiederverwertung älteren Materials in Novgorod // Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag, herausgegeben von D. Christians, D. Stern, V. S. Tomelleri. München-Berlin, 2009. P. 94–117.